

*Александру Зайкову, герою
и автору этой истории*

*Вместо эпитафии
– Нам там весело было!.. – улыбается
и рассказывает человек, который
вернулся с Того света, а рассказывает
он о палате реанимации
и об онкологической больнице...*

1

– Третья операция, – подмигивает хирург, – Бог любит до трёх, – это он так подбадривает.

– Бог всех любит, – успевает ответить Александр, прежде чем анестезиолог приложит к его лицу «маску Морфея», – А в ней не морфий?.. – подумает вместо положенного и рекомендованного доктором отсчёта. А ведь у греческого бога Морфея ещё и папаша был – Гипнос... Гипноз...

И всё. Провал. Будто и не было ничего и никого, и никогда. Абсолютное небытие... Таких провалов было уже два. Две операции. Третья решающая, но что тебе до того, если ты об этом ничего не знаешь ввиду полного своего отсутствия. Тут не как на футбольной трибуне или у телевизора – за любимых игроков-хирургов не поболеешь. Получится у них пенальти по опухоли? Очнулся, как говорится, уже после матча – не то, чтобы заново родился, потому как есть главный вопрос – будешь ты дальше жить или нет? Был ли толк от всех твоих мучений, включая пребывание в онкологической клинике, которое само по себе то ещё испытание. Реабилитация, химия, когда тебя выворачивает наизнанку до самых пяток, и, собственно, та самая жизнь, за которую борешься, уже не мила, просто инстинкт самосохранения всё же сильнее, а потом говорят-радуют, нужна ещё операция: маска-темнота... и снова реабилитация, химия... И результат: Бог любит до трёх... От такой любви и на луну выть, и на стенки бросаться...

От такой любви...

И вдруг рвануло куда прямо в этой непролазной темноте. Потянуло, как пылинку сквозняком... И вроде тебя нет, но вдруг обозначилось твоё я – то самое сознание, тела нет, а сознание есть, и несёт его сквозь эту тёмную материю вселенной – как её ещё назвать-то?

Ёжик в темноте! Почему ёжик? Он же в тумане должен быть? Смешной такой... Ёжик на рисунке внучки Оленьки... Он несёт больному деду яблочко красное с зелёным листочком. Смешной такой... Прямо видно, как лапками топ-топ... Рисунок Оли – ёжик – последнее на что посмотрел на окне в палате, когда покатали в операционную. А ведь многие собратья по несчастью смотрели на ёжика и улыбались. Идёт, пыхтит, яблоко несёт. Целебное, наверное, и сам по себе ёжик целебный... За ёжиком через тёмную материю Вселенной! Ага, вот так правильнее будет, с заглавной буквы.

И потом понимаешь, что зрение у тебя (хотя и тьма непроявленная во-круг) не земные сто восемьдесят градусов, и даже не на триста шестьдесят, а какое-то объёмное... И – вперёд, и – назад, и – внизу, и – вверх. Наверное, поэтому человеку, покидающему наш трёхмерный мир, независимо от его образования, социального статуса, научного и литературного таланта, описать увиденное точно так же априори невозможно! И важно: нет там времени!!! Нет ощущения его течения. В жизни, бывает, засмотришься на что-то, впадёшь в созерцание, увлечёшься неким процессом или делом – и только тогда потеряешь ощущение времени, чтобы потом очнуться и понять: о, сколько его убежало... А здесь его просто нет. И чтобы сосредоточиться в этом многомерном безвременье, нужна какая-то точка притяжения... точка света.

«Я уже знаю, что мне потом скажут: это галлюцинации от наркоза. Чего ж тогда первые два раза мультики не показывали? А именно во время самой решающей операции, после которой хирург подозрительно отводил глаза в сторону: видать, не всё гладко прошло... Ну, да Бог ему в помощь всегда и на всякое время!

А я вдруг ощутил себя парящим в необъятном просторе. Как над морем... Морем Света... И ещё деталь, может, и маловажная, но интересная: парил я вертикально (как если бы имел тело), и море света стояло передо мною вертикально...»

Потом вспомнилась книга и фильм «Солярис». Станислав Лем и Андрей Тарковский. Там – планета – разумный океан – загадочный, но всё же враждебный...

А тут – будто возвращение домой, где тебя ждут и любят. «Любят» – ключевое слово. И эта любовь огромна и всеобъемлюща, она не уменьшает твоего собственного «я», она притягивает... Пожалуй, слово «счастье» именно в этом случае обретает своё истинное, а, может, исконное значение. Счастье возвращения домой...

И тут сквозь парящее над этим океаном твоё сознание пронзает мысль: а ты достоин такой Любви? И если океан нисколько не жжёт, не слепит при всей его яркости, то вот эта мысль – она, как калёное железо. Ты вдруг видишь всё оставленное там, весь этот клубок бессмысленной суеты, называемой нашей разумной жизнью, все свои отвратительные поступки и даже мысли, и слово «стыд» не имеет такой ёмкости, чтобы передать твоё состояние. И нет угла, в который бы тебя поставили папа и мама – подумать над своим поведением. И самое страшное – времени подумать уже тоже нет. Времени просто нет. Во всех маленьких и вселенских смыслах. На всех циферблатах.

В разных книгах о «туда-обратно» свидетели делятся полётом или движением через тёмный тоннель. Александр же осознал это как полёт из нашей крошечной тьмы, что называется, со дна колодца на свет. Наверное, именно так летят на свет ночью мотыльки... Хотя нет, их, сгорающих на раскалённых лампах, ничего хорошего не ждёт. Разве что принцип движения совпадает – на свет...

И в этом многомерном пространстве, видимо, есть какая-то своеобразная точка бифуркации, где решается – туда или сюда, или вообще – куда... И сжигающее изнутри (хотя нет у тебя, по сути, никакого нутра!) позднее раскаяние уже ничего не изменит... Ничего.

Но что-то по воле Всевышнего меняют руки хирургов и анестезиолога, которые перезапускают твоё остановившееся на операционном столе сердце. А где он этот операционный стол? Он вообще реален? Да вот он, под тобой, стоило только подумать. Сестра промокнула салфеткой

вспотевший лоб хирурга, он облегчённо вздохнул. Где-то под маской вздохнул вернувшийся пациент... Зачем? Там было так хорошо... Только очень стыдно...

2

Не зря говорят, что дома и стены лечат. В областной российской онкологической больнице образца начала XXI века они, если не убивали, то добивали. Впрочем, как и всё окружающее пространство. Стены же словно впитывали в себя всю боль и страдания, последние вздохи умирающих, крики тех, кому ещё не вкололи обезболивающее, нервную мимику врачей – отчего даже белый кафель серел, темнел, и отвратительно-тошнотворного бежевого, синего или зеленого цвета краска трескалась в палатах и коридорах. И стёкла окон с обеих сторон были непроницаемо равнодушными, похожими со стороны улицы на порталы в преисподнюю, а со стороны палаты на бойницы, через которые стрелой или пулей хотелось умчаться в небо... Да хоть куда, только подальше отсюда.

Вероятно, боль – самое надёжное и самое верное чувство, ощущение человека, которое никогда не обманывает. Именно боль напоминает нашему сознанию, что мы живы. И вот – хочется увидеть доброго ёжика на рисунке внучки, а ты видишь ехидную рожу Алмаза. Это имя такое у медбрата-азиата в палате реанимации, хотя сам чёрт ему только и брат. Здесь он владыка. Этакий Батый... Есть медики, у которых с годами выработался здоровый защитный врачебный цинизм к человеческим страданиям, а также профессиональная ирония. Так им проще спасать людей и даже порой заставлять улыбаться обречённых. И есть Алмаз, который, наверное, специально устроился работать сюда, чтобы эти страдания наблюдать, а также, пользуясь властью над беспомощными пациентами, эти страдания усиливать или уменьшать. Как решит всевышний Алмаз, у которого хитрый глаз...

И вот он сверлит тебя этим своим хитрым глазом, а изнутри тебя вдоль всего тела по спине сверлит электрофорез, который запустили, чтобы запустился твой искромсанный кишечник. Алмаз подкручивает на панели прибора амперчики, видит, как у тебя глаза вылазят из орбит, и ему явно это нравится. Вспомнилось лабораторное тельце мёртвой лягушки, мышцы которой сокращаются от воздействия электрического тока. И даже вспомнилось хрестоматийное стихотворение Юрия Кузнецова «Атомная сказка»:

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

– Пригодится на правое дело! –
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

Он пошёл в направлении полёта
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

Алмаз улыбался. Он зачем-то привязывал беспомощного Александра к кровати по рукам и ногам. Зачем?! «Ну вот ты и в мире людей, в мире себе подобных, Александр Николаевич», – подумал и провалился во тьму бессознательности... А куда ещё, кроме тьмы? Алмазы, в конце концов,

возникают из углерода... Но в миг провала захотелось «домой» – к тому тёплому любящему Свету, где не было времени, а главное – боли...

И хотелось-желалось, чтобы Господь послал тебе ангела, чтобы он одним взмахом крыла сдул с твоей спины страшный ожог, снял эту боль, которая кажется вечной. И от этой страшной, буквально адской мысли о вечной боли ты просыпаешься и видишь, что ангел дремлет на стуле у твоей постели, а рядом с ним святитель Николай...

– Батюшка, что, отпевать пора? – спросил Александр.

Отец Николай – протоиерей из Знаменского собора встрепенулся, за-улыбался:

– Скажешь тоже! Не для того мы с Олей через все заслоны сюда пробивались.

Оля – это и есть ангел. Жена. В честь неё внучку и назвали. Как они действительно прорвались через все медицинские «не положено»? А отец Николай точно похож на святителя, имя которого носит... Правда, святитель не мог тихой сапой, по-шпионски оглядываясь в сторону Алмаза, запихивать под подушку мобильный телефон и при этом шептать:

– Это... музыку слушать... и для экстренной связи. Тссс...

– А в небесную канцелярию позвонить можно? – пытается улыбнуться Александр.

– Нет, это только через меня.

Ох, знал бы отец Николай, что этим мобильным спасает жизнь. А может – и знал... Но сейчас он душу пришёл спасать:

– Ну, помолимся... И причащаться надо...

– Батюшка, я там Бога видел, – машинально прошептал Александр.

Отец Николай нахмурил лоб:

– Бога видеть нельзя.

– Я и не видел, но видел, – попытался объяснить Александр. – В общем, я точно знаю, что Он есть.

– И я точно знаю, – улыбнулся священник.

3

Близкие ушли, зато человек-алмаз вернулся...

И снова включил электрофорез на полную катушку. Алмаз накручивал амперы с тем самым видом главного героя «Атомной сказки». Или, может, человека, который запускает собачку в безвозвратный полёт в космос. И Александр бы точно улетел, если бы не отец Николай, которого больной теперь уже без сомнений считал провидцем. На все уговоры Алмаз отвечал «доктор сказал, значит – надо» и следил за приборами, как Курчатов за ядерной реакцией. «Ты меня живьём сжигаешь», – хрипел Саша, но Алмаз оставался твёрдым, как алмаз: «Я тебя лечу».

– Доктору скажи, что у меня спина горит, – умолял больной.

– Доктор не дурак, как он написал, так и делаю, а то кишки твои работать не будут.

– Так от меня только электрические кишки и останутся!

– А больше человеку ничего и надо, – ухмыльнулся медбрат. – Давай, получай кайф!

К ночи боль настолько усилилась, что заменила и те кратковременные провалы в беспамятство, которые заменяли Александру сон. Но и на старуху бывает проруха, в этот раз медбрат забыл пациента «стреножить» – привязать. Дотянуться до ручек регулировки фореза Александр Николаевич не мог, а вот даже на сжигаемой спине изловчиться и засунуть руку под подушку...

И достал оттуда мобильник. В раздражающей темноте реанимации, где горят панели приборов, дежурный светильник, и ядовито-красным мигают, будто дают обратный отсчет, электронные часы, Александр зажёл ещё один огонёк – экран смартфона. Говорить он боялся. За пять бессонных суток он понял, что Алмаз слышит и чувствует лучше, чем чувствует боль и страдания пациентов. Поэтому, собрав остатки сил и зрения, он набрал сообщение жене: «Сегодня ночью точно умру, сил больше нет».

И всё.

И провалился в смесь боли и небытия, на адскую сковородку. Хотя нет, именно об этом подумал: ощутил рай, попробуй ад. Ага и это: зачем работающий на электричестве кишечник, если человек неделю ничего не ел? Или кишечник в нерв превращают? Доктору виднее... Откуда ему виднее?

И через какое-то безумно-долгое время боли (как казалось) в коридоре раздаются знакомые голоса и шум. Он слышит и голос дочери Даши, она сама врач, потому и прорвались прямо ночью. Ангелы возвращаются. Ольга и отец Николай снова снесли все заслоны и баррикады на своём пути, и Александр даже видит, как буквально шугнул куда-то в угол коридора наперстным крестом батюшка бурчащего что-то о «не положено» Алмаза, и Дашу, что где-то в коридоре отбивает атаку коллег и растерянных ЧОПовцев, потому и доктора с собой привели, как пленного, вытащили заспанного из ординаторской, и выслушал он победный ультиматум:

– Отключайте пыточную, отправьте меня в палату, помирить так там...

Ещё немного и отец Николай ему анафему объявит...

И доктор капитулировал. Отцепили провода, вытащили из-под спины пластины-электроды – катоды-аноды под лекцию Ольги о недоказанной эффективности электрофореза и противопоказаниях при новообразованиях и возражения доктора, что он тут отработывает методику реабилитации...

– Найдите себе подопытных кроликов! – отрезает она.

И Даша с профессиональным укором в глазах wpłyвает в реанимацию, оставив охранников в недоумении и с сочинением рапортов во все инстанции в головах, отчего капитуляция становится безоговорочной. Впрочем, других капитулирующих русские люди и не принимают. И уже сам Алмаз деловито скручивает свои провода, даже заботливо проверяет ходовую часть каталки...

И наступает момент выкатывания из реанимации и вкатывания обратно в жизнь – обратно в палату, где уже стены не кажутся такими обшарпанными и страшными, и ёжик-пыхтун улыбается: «Яблоко будешь?» Как будто сама внучка Оленька проведать пришла. А где-то дома молится за отца младшая дочь Маша, и, наверное, только молитва способна пронизать эти напитанные болью стены и унылые окна. И собратья по несчастью, сострадальцы – так надо сказать – смотрят на тебя, как на бойца, вернувшегося с передовой. И даже руки «полевого» медбрата Гоши, разрисованные татуировками по самые плечи, но сейчас помогающие тебя вернуться на почти родную кровать, кажутся руками ангела...

А силы уже кончились... А боль нет. Она же вечная...

– Господи! Милостив буди мне грешному!!! – это откуда-то из самой глубинной глубины, это уже как душу наизнанку, а там лежит эта мольба, её и произносить не надо, она буквально горит на всю Вселенную, как горит обожжённая спина, и тогда милостивый Господь посылает ангела – такого же светлого, как тот море-окиян, который ты там видел, ангел склоняется над тобой, погружает в тебя свои руки-крылья и будто вынимает из тебя боль, всю до капельки... И дальше начинается обычный человеческий сон.

И снова ты просыпаешься, а рядом на стуле дремлет ангел по имени Оля. Ну правильно, ты же обещал умереть в эту ночь. И она не пускала к тебе смерть... Часовой Оля. Как архангел у райских врат.

– Оля, я ангела видел, – ему кажется, что он сказал, но он едва хрипло прошептал, но и этого было достаточно, чтобы как в казарме прозвучало «рота, подъём!», и Ольга буквально вскочила, как рядовой, заснувший на посту.

Глянула на него и облегчённо вздохнула:

– Ну, Бога видел, ангела видел, стало быть – жить и молиться ещё придётся. Я слышала, как ты ночью с ним разговаривал. Думала, бредил. Но будить не стала...

Вот так: и коня на скаку не надо, и в горящую избу... Русские женщины – они живут в прифронтовой полосе.

– Есть хочешь? – звучит как «жить будешь?».

– Буду, – соглашается Саша.

4

Не секрет, что как только человеку во время болезни становится чуть легче, его обуревают жажда деятельности, а в больнице – поскорее вернуться домой, хоть лучом света через щель просочиться. И когда супруги не было в палате, Александр Николаевич начинал метаться между окном и нарисованным ёжиком, потому как последний тоже был своеобразным окном-порталом. За нервными и ещё не совсем уверенными «перебежками» пациента следили с прикроватной тумбочки святые – Александр Невский и Александр Свирский, а также мученик Александр, живший во втором веке от Рождества Христова. Спаситель и Богородица смотрели в окно, словно указывали – дорога туда. Да уж, воля для русского человека выше свободы, особенно той, которую сегодня из каждого утюга транслируют, приправляя прилагательным «гражданская»... И если бы не трубка, торчавшая из не до конца зашитого шва, уже давно бы рванул на эту волю, в этот серый городской мороз, темнеющий снег, к горящим окнам домов, за которыми какая-то настоящая тёплая жизнь.

В двухместной палате Александр Николаевич оказался один. Хирург, что ежедневно приходил справиться о состоянии и осмотреть шов и трубку, интересовался:

– Не скучно одному?

– Со мной Бог, Богородица, три Александра и ёжик, – отшучивался пациент.

– На что жалуетесь, Александр Николаевич?

– Пакет с отходами жизнедеятельности постоянно отклеивается, – бухтел больной.

– Важно, что жизнедеятельность идёт, – парировал хирург. – А пакет надо приклеивать, другого назначения тут нет. Пусть Гоша, если что, помогает...

– Гоша... Сам справлюсь. Но зеркала только в туалете и на посту у Гоши. И сколько ещё? Приклеивать?

– Недельки две, – прозвучало как приговор, но тут уж ничего не поделаешь, хирурга ещё благодарить надо... И больницу надо благодарить, куда от охвативших его чувств жизнедеятельности и благодарности Александр Николаевич, не выходя из палаты, купил сантехнику и комплектующие к ней, ибо пребывающая там до сих пор по виду была похожа на всё те же порталы в ад. По меньшей мере, выглядела, как пережившая атомную бомбардировку. А вот приклеивать пакет с трубкой из палаты выходить всё же

приходилось. Сантехнику купил, а зеркала... Эх!!! Вот и шёл даже ночью хотя бы в коридор на пост к Гоше, который в любую свободную минуту спал, уложив бритую голову на разукрашенные тату руки.

– И дыхание станет ровней,

И страдания отступят куда-то,

Лишь нагнутся к постели твоей

Люди в белых халатах, – напевал ему порой Александр Николаевич, нагибаясь над посапывающей головой, пытаюсь и разбудить, и побудить, и пробудить всё разумное и вечное, что дремало в Гоше.

– Чё? – открывала глаза голова Гоши и оценивала ситуацию – есть необходимость отрывать её от столешницы или само пройдёт?..

И как-то ночью Александр пошёл к заветному зеркалу в туалете, да не дошёл... Странный шум-свист из соседней палаты заставил его туда заглянуть. На этаже почти все страдальцы друг друга знали. Друг другу помогали. Помощь-то нехитрая: ты ещё до операции ходишь и садишься сам – помоги тому, кто уже после операции этого делать не может или заново учится; оклемался после операции – помоги тому, кого из реанимации привезли; ну и, разумеется, добрым словом – если таковые у тебя есть. Встречались, конечно, экземпляры, которые смотрели на всех остальных так, как смотрят то ли патриции на плебеев, то ли, как люди наивные и наглые одновременно, которые полагали, что попали сюда случайно (они же чуть ли не завтра раз и навсегда отсюда выйдут и никогда сюда больше не вернуться!). И главное: всё, что происходит не с ними, их не касается.

В соседней палате метался на кровати обмотанный трубками, капельницами и бинтами Серёга, который помогал Саше делать первые шаги после операции. Теперь из реанимации привезли самого Серёгу... И вот – происходило с ним что-то невообразимо страшное: он пытался дышать, но явно не мог. Он бился на кровати, как рыба на льду, пузырился кровавыми слюнями, но главное – он явно задыхался...

У Серёги – курильщика со стажем из далёкого детства – был рак гортани и пищевода, потому вскрывали его по полной. Ну, и трубок ему со всех сторон потом и во все отверстия вставили для поддержания той самой жизнедеятельности. В палате с ним были ещё двое – и, как назло, один из тех, кто сам за себя, по фамилии Каменюк. Он и сидел на кровати, как каменный, будто ничего не происходит. А может и потому ещё, что только что закрыл окно, покурив, и подними он тревогу, его тут же «накроют» за нарушение больничного режима. В общем, Каменюк сидел каменный и даже пробухтел что-то типа: да ему щас наркоты уколют, и он дёргаться перестанет. Но Серёга переставал дёргаться совсем не поэтому. Серёга переставал дёргаться, потому что агония подходила к своему финальному этапу. Второй – старый татарин Равиль – крепко спал. Каменюк же нагло лёг и демонстративно повернулся лицом к стене со словами:

– Да всё нормально, очухается...

А Серёга умирал.

И, придерживая рукой отвалившийся пакет с продуктами жизнедеятельности, Александр кинулся на пост, где смотрел свои сладкие сны Гоша.

– Подъём! – прокричал он по-армейски. – Там пациенту совсем плохо. Серёга...

И Гоша, открывая глаза, даже назвал фамилию Серёги, правильно назвал.

– Щас я дежурного вызову, – и потянулся к трубке телефона на столе.

Александр неуклюже метнулся обратно в палату. Там уже проснулся Равиль и стоял, часто моргая своими узкими бусинками-глазами, глядя на Серёгу.

– Помирает, однако, – сделал он вывод специально для вернувшегося Саши. – Надо хоть что-то делать...

Это «хоть что-то делать» толкнуло Александра в коридор, он забежал в свою палату и сорвал с окна рисунок внучки. Вспомнил, что Серёге, его жене и его детям ёжик очень нравился. Они даже специально приходили к нему в палату на него посмотреть. Серёгин сын даже чихнул от восторга и неяркого зимнего света в окно, обрамляющего ёжика по типу нимба, чихнул так, что сопельку надул и кулачком по щекам размазал... Смешно... Ах, до этого ли?! С ёжиком в руках снова вернулся в палату, где Равиль пытался удержать бьющегося в конвульсиях, задыхающегося Сергея. И Александр не нашёл ничего лучшего, как махать над искажённым лицом страдальца рисунком внучки Оленьки.

– Господи, помоги! – и махал так, что, казалось, яблоко из лап ёжика сейчас выпадет.

Но ведь сработало! Серёга вдруг притих и даже вздохнул сквозь свои кроваво-жёлтые пузыри. Лишь бы не в последний раз.

– Врач-то где? – вспомнил Равиль, и Александр, доверив ему ёжика, снова бросился в коридор на пост...

Гоша спал.

– Ты врача позвал?! – прокричал ему в ухо Саша.

– Чё? – взметнулся Гоша. – Позвал...

– Умирает опять, – послышался голос Равиля из пятьсот двенадцатой палаты. Видимо, ёжик в его руках целебные свойства терял.

Обратно в палату прибежали уже вдвоём. При этом Александр изловчился со всеми своими недозащитными ранами и продуктами жизнедеятельности два раза пнуть заспанного медбрата под зад. А тот судорожно искал в карманах халата мобильный телефон, наконец, нашёл, нажал нужные кнопки и, задыхаясь то ли на ходу, то ли от экстренной ситуации, прокричал в трубку:

– Ираида Григорьевна, в пятьсот двенадцатой критический! Что? Везти в реанимацию?!

И тут до Александра дошло, что никуда Гоша не звонил, а так и уснул снова на посту. За это Гоша получил ещё один пинок:

– Вот так вы, гады, и Родину проспали! – отвесил ему грехи всей страны Александр.

– Я, между прочим, врачом скоро буду, – зачем-то сообщил Гоша, будто эта фраза его автоматически реабилитировала.

– Да не дай Бог!

В палате Серёгу снова ломало, а испуганный Равиль стоял над ним, прижимая к груди целебного ёжика.

– В реанимацию! – вспомнил Гоша, и они вместе с Александром покатили Серёгу в коридор. Предстоял ещё длинный путь и поездка на лифте...

Равиль остался в палате. Огромный свежий шов после резекции желудка не позволял ему ничего, кроме как держать в руках нарисованного ёжика. Каменюк же уже храпел... Пнуть его не было времени.

Врач встретила Гошу и Александра уже у входа в лифт.

– Ой-йо... – мгновенно оценила состояние Сергея и помогла им вкатить его в лифт.

А уже в лифте Серёга перестал биться и... дышать. Буквально начал сипеть на глазах...

Александр вспомнил, как несколько дней назад в коридоре Серёга уговаривал свою жену развестись, чтобы ей не платить ипотеку одной с двумя маленькими детьми, когда он умрёт. Жена и старшая дочь плакали. А ма-

ленький сын крутил головой, разглядывая блуждающих по коридору страдальцев.

А в сумрачном лифте заплакал от беспомощности и Александр Николаевич.

– Ёжика забыл! – всхлипнул он.

– Какого ёжика? – не поняла Ираида Григорьевна.

– Божьего! – и вдруг вспомнил тёплый океан, к которому летал совсем недавно, но глядя на синеего на глазах Серёгу, почему-то точно понимал, что тот сейчас не перед океаном. И закричал сквозь слёзы. – Господи, Иисусе Христе, милостив буди нам грешным! Ради детишек оставь Ты его здесь! Помоги же, Господи!..

И Серёга вдохнул... Бог ли, сам ли Серёга про детей услышал, но вдохнул. Дверь лифта открылась, а Ираида Григорьевна профессионально оживилась:

– Быстро! Сейчас всё запустим!

Из реанимации Александра Николаевича не очень вежливо развернули... Хорошо хоть Алмаза там повстречать не пришлось.

Он вернулся сначала в палату Серёги, где храпел Каменюк и до сих пор стоял с рисунком в руках Равиль над тем местом, где стояла его кровать.

– Однако, и меня так могли увезти... – резюмировал он ситуацию.

– Здесь каждого так могли... увезти... – согласился Александр, забрал рисунок и вернулся в свою палату.

5

Серёгу вернули в палату через два дня. Всё такого же «космонавта» – в проводах и трубках. Но уже в сознании, с ожившими глазами. Говорить он, правда, смог только ещё через несколько дней. Этаким шепотом со свистом...

– Покурить сильно захотелось... Каменюк как раз смолит в окно. Ему же лень на балкон было идти. И холодно... Он предложил зобнуть. Я и зобнул. А там, меня в кашель, может, не просто табак. А дурь какая-то... – сделал предположение Серёга. – В общем, зобнул я на свою голову.

После этих слов Саша с ненавистью посмотрел на пустую кровать выписанного Каменюка. Надо было-таки пнуть...

– И тут меня как подхватило, как швырнуло – в тёмно-зелёное какое-то... И земноводные какие-то, крокодилычки по углам забегали. Мыши летучие надо мной закружили, твари непонятные... И понимаю, что это наркота какая-то... И вдруг понял, что дышать больше не могу. И потом только темнота. И уже не болит ничего. Как бы сказать-то... Ну как полное отсутствие всего, но при этом ты понимаешь, что ты есть... И одиноко страшно. Очень страшно. Стоишь слепой в этой темноте и не знаешь куда шагнуть. Куда двинуться. Потом вроде как лучик света замаячил откуда-то... Не понять откуда, потому как ни низа, ни верха нет, ни право, ни лево, ни кругом там не работают. Вроде хотел к лучику шагнуть, а ног-то нет! Нет движения! И совсем одиноко и страшно... А потом уж свет увидел только в палате реанимации. Я потом Ираиде сказал, что затяжку покурить сделал. А она: «Вот ведь люди, – кричит. – При всём своём страхе смерти убивают себя с каким-то идиотским восторгом, старательно, а главное – глупо...» Права, так думаю...

– Выходит, ты вторую сторону увидел, – задумался над услышанным Александр.

– Какую сторону? – сначала не понял Сергей.

– Ад, – спокойно заключил Александр Николаевич. – У меня другая картинка была... Даже рассказать не могу... Слов таких нет.

– Картинка? Ёжик где? – это первым притопал ещё до мамы в палату сын Серёги, – Пойдём ёжика посмотреть? – сын знал, что там и угостят чем-нибудь.

– Пойдём, – поднялся навстречу с улыбкой Александр, потом повернулся к Сергею. – А ёжик, между прочим, и тебя спас... Равиль подтвердит.

Седой татарин на соседней кровати многозначительно закивал: ага, было.

– Тот самый, что у тебя на окне висит?

– Тот самый. Внучка рисовала...

– Я помню...

– Так пойдём к ёжику? – потянул за руку сын Сергея.

– Пойдём, – снова согласился Александр и кивнул вошедшей в палату встревоженной супруге Сергея Светлане.

– Не донимай дядю Сашу, он тоже болеет, – попросила сына она.

– Я уже скоро на выписку, – Александр посмотрел в её давно заплаканные глаза, и вдруг его осенило. – Пойдём-пойдём, надо ёжика к папе в палату переселить.

– Ух ты! – обрадовался мальчик. – А яблочко есть?

– У ёжиков всё есть!

– А у меня конфеты есть, – на пороге появился Гоша с виноватым лицом. Все улыбнулись.

6

Это не сказка... Это совершенно банальная история про жизнь и смерть. Про рай и ад. Про высший смысл бытия и его отсутствие... Про детский рисунок и взрослые слёзы. Про ёжика в тумане, о котором так славно написал Сергей Григорьевич Козлов. Ведь, в сущности, жизнь каждого человека – это сказка о том, как и сказка про ёжика, как он гулял ночью и заблудился в тумане. И вывести из тумана могут только любовь, дружба и сердечное добро... Наивно, но правда. Другой нет.

Так думал Александр Николаевич, робко выходя на больничное крыльцо.

Новый Год уже прошёл. Новая жизнь вроде началась. Декабрьскую зимнюю серость, когда кажется, что и природа совсем умерла, стали по-немногу щекотать в середине января солнечные лучи. Электрофорез! – улыбнулся Александр Николаевич, и лучи в ответ пощекотали ему глаза и нос. Надо было привыкнуть к живому свету и морозному воздуху. Старый новый год или настоящий новый год? Да какая разница! В феврале, вон, китайский ещё праздновать будут. Год тигра, год дракона, год лошади... чего там у них ещё?.. Надо год доброго ёжика праздновать. Вот как внучке сказать, что оставил ёжика другого дядю лечить?

Так и сказал...

– Ничего, я тебе нового нарисую, – пообещала внучка прямо у крыльца больницы и потянула деда Сашу за руку к машине. – Поехали, мы там тебе праздничный стол приготовили.

Но Александр Николаевич вдруг остановился, оглянулся на окно палаты Серёги и Равиля, где угадывался прикрепленный по углам скотчем прямоугольный лист ватмана А3. И прямо в него бил прорвавшийся сквозь низкие облака солнечный луч. «С той стороны окна у ёжика нимб», – улыбнулся Александр Николаевич. С этой – свет... Тот свет. Этот свет. Свет.